КРЫЛОВ АНДРЕЙ

ДЕВЯТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Андрей Крылов

ДЕВЯТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

«Автор»
2026

Крылов А. М.

ДЕВЯТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ / А. М. Крылов — «Автор», 2026

Девять признаний. Восемь мертвецов. Одна страшная правда.В подвале заброшенной психиатрической клиники находят останки восьми человек. Вскоре появляются девять видеозаписей, на каждой из которых кто-то признаётся в их убийстве.Но пятеро признавшихся давно мертвы. Личности некоторых невозможно установить. А на одной из записей следователь Алексей Воронцов узнаёт самого себя.Он не помнит ни признания, ни преступления.Расследование превращается в опасную психологическую игру. Старые фотографии противоречат воспоминаниям, близкие скрывают тайны, а каждая новая улика заставляет сомневаться в предыдущей.Кто-то тщательно спланировал всё происходящее. И этот человек знает о прошлом Воронцова больше, чем он сам.Но что страшнее: узнать, что ты убийца, или обнаружить, что всю жизнь верил в чужую ложь?«Девятый свидетель» — мрачный психологический триллер, в котором правда опаснее любого преступления.

© Крылов А. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 7
Мёртвые признаются 7
Глава 1. Девятая запись 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

ДЕВЯТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Психологический триллер

Введение

В Северине Алексея Воронцова знали люди, которым он не всегда был рад. Иногда узнавали в магазине, иногда в очереди к врачу. Одни просили передать привет знакомому прокурору, другие отворачивались, увидев его у кассы. Мужчина, которому приходилось задавать вопросы о чужих бедах, давно научился жить с тем, что люди отвечают ему даже тогда, когда он ничего не спрашивает.

К сорока двум годам Алексей приобрёл привычки, которые со стороны казались строгими. Он приходил на службу раньше, чем требовалось, проверял, заперта ли входная дверь, и никогда не оставлял чашку на папке с документами. Последнее правило не имело отношения к важности бумаги: однажды кофе испортил свидетельские показания, и с тех пор он не доверял себе в мелочах. Зато в больших решениях был порой слишком уверен.

Дома его никто не ждал. Екатерина ушла много лет назад, и Воронцов не рассказывал окружающим, как именно закончился их брак. Он говорил: «Мы давно не вместе», если спрашивали чужие. Близким отвечал: «Я её потерял». Разница между этими фразами казалась ему несущественной. Сам он давно перестал думать, насколько разные картины они рисуют в чужой голове.

У него было два друга, хотя он называл другом только одного. Игорь Савин умел разговаривать обо всём, кроме действительно важных вещей, и Алексей любил его за это. Вторым был Виктор Мельников, начальник, который никогда не упоминал о дружбе при подчинённых. С ним Воронцов мог спорить до ночи из-за одной запятой в протоколе, а после ехать вместе домой и обсуждать цену бензина. Алексей верил, что такие отношения надёжнее громких обещаний.

В последние годы его жизнь стала почти аккуратной. Работа, магазин у дома, редкие поездки к могиле отца, книги, которые он покупал чаще, чем читал. По воскресеньям Алексей ходил вдоль реки. Там, на набережной, всегда встречался старик, кормивший уток сухим батоном. Воронцов однажды сделал ему замечание о том, что хлеб вреден птицам. Старик ответил, что привык кормить их так с молодости, и на этом разговор закончился. Через неделю Алексей увидел у воды зерно вместо хлеба. Старик ничего не сказал. Воронцов тоже. Ему нравилось думать, что люди могут менять решения, не превращая исправленную ошибку в публичное признание.

Однажды коллега спросил, что больше всего раздражает его в свидетелях. Воронцов ответил не сразу. Он мог назвать забывчивость, самоуверенность или попытку угадать, какой ответ нужен следствию. Но выбрал другое: «Когда человек уверен в том, что проверять не хочет». Коллега засмеялся и сказал, что это определение подходит половине города. Алексей улыбнулся. В тот вечер ему не пришло в голову применить его к самому себе.

В начале ноября Северин накрыл привычный дождь. По улицам потянулись мокрые листья, люди достали тяжёлые пальто, в городских новостях обсуждали ремонт моста и новые тарифы. Ничто не указывало на то, что скоро несколько давно закрытых дел снова окажутся у всех на виду. Для Воронцова это было особенно важно: до определённого утра он жил обычной жизнью человека, который считал своё прошлое понятным. В нём хватало сожалений, но почти не оставалось вопросов. По крайней мере, так ему казалось.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мёртвые признаются

Глава 1. Девятая запись

Воронцов впервые увидел собственное признание в убийстве третьего ноября 2024 года, в восемь сорок три утра.

До этого момента день не имел никаких особенностей. В коридоре следственного отдела пахло хлоркой и пережаренным кофе; кто-то из молодых сотрудников смеялся над видео в телефоне; в его кабинете мигала лампа, заменить которую обещали ещё в сентябре. Алексей Андреевич подписал два постановления и собирался позвонить судебному медику по другому делу, когда на экране компьютера появилось уведомление о письме.

У Воронцова существовали правила, о которых никто в отделе не знал. Он никогда не приносил домой папки по делам, где фигурировали дети; никогда не отвечал «я вас понимаю» родственникам погибших; никогда не читал газетных материалов о собственных расследованиях. Последнее правило появилось после заметки о пропавшей девушке: журналист назвал его «человеком, который не оставляет вопросов без ответа». Алексей вырезал статью, отложил в ящик стола и через год выбросил. Он хорошо помнил тот день: девушка так и не нашлась, а он подписал постановление о передаче дела другому следователю. Ему было неприятно видеть чужую уверенность там, где сам он ничего не знал.

За окнами тянулся такой же ноябрь, как одиннадцать лет назад. Деревья вдоль служебной стоянки стояли голые, на стекле висели неподвижные капли. На столе лежал конверт из бухгалтерии с напоминанием о задолженности по коммунальным платежам. Он не платил вовремя не из-за бедности: просто каждый месяц считал ненужным разбираться в квитанциях. Дома его ждала квартира, в которой после ухода Екатерины осталось слишком много свободного места. Он не выкинул её книги, хотя за прошедшие годы переезжал дважды. Они стояли отдельно от его собственных, и иногда он замечал, что протирает с них пыль аккуратнее, чем с других вещей.

В коридоре два молодых сотрудника спорили о неверно оформленном протоколе. Один сердился: ошибка в фамилии превращала полдня работы в бессмысленную бумагу. Второй смеялся и говорил, что фамилию всегда можно исправить. Воронцов хотел вмешаться, объяснить, что нельзя просто исправлять подписи в протоколе, но не стал. Вечером он, возможно, вернётся к разговору. Сейчас у него был обычный рабочий день. Он ещё не знал, что к вечеру любая неверная цифра станет казаться не опечаткой, а предупреждением.

За двенадцать лет службы у него накопилась целая коллекция предметов, которыми не стоило гордиться. Сломанный карандаш, найденный рядом с местом жестокого нападения. Синяя перчатка, которую он зачем-то купил после дела о пропавшей девочке, потому что та носила точно такие. Пластиковая линейка с надписью «Сначала измерь», подаренная экспертом после ссоры. Алексей не хранил вещественные доказательства — с такими вещами всегда поступали по правилам. Это были собственные мелочи, не имевшие юридической ценности, но напоминавшие, что однажды он ошибся или едва не ошибся.

В ящике стола лежала бумажка с единственным словом: «Уточнить». Он писал его, когда чувствовал, что собеседник пытается заставить принять вывод без подтверждения. Молодые сотрудники смеялись над его осторожностью. «Воронцов не верит даже расписанию поездов, пока не увидит сам состав», — говорили они. Алексей позволял шутить. Он знал, что недоверие к красивой истории — полезное качество. Не знал лишь, почему оно часто исчезает там, где красивую историю рассказываешь самому себе.

В тот день он ещё успел посмотреть на фотографию отца, стоявшую в углу кабинета. Тот работал школьным сторожем и любил рассказывать, как обнаружил однажды у кабинета химии разбитое стекло. Директор сразу обвинил самого шумного ученика, но сторож настоял на проверке: оказалось, стекло лопнуло из-за резкого перепада температуры. Отец говорил:

«Все хотели наказать мальчишку, потому что давно на него сердились. А стеклу было безразлично, кто у вас виноват». Алексей помнил эту фразу лучше многих лекций в институте.

Когда компьютер показал уведомление о новом письме, он был занят чужим делом и почти не думал о собственном прошлом. В соседнем кабинете громко спорили о том, от кого зависела доставка задержанного. Через стену слышался смех Савина. Воронцов хотел налить ещё кофе, но передумал: на дне чашки оставалась горечь, с которой он уже не справлялся сахаром. Ничего в этой минуте не обещало ни потрясения, ни катастрофы. Если бы он не узнал свою фамилию в названии вложения, письмо могло бы остаться неоткрытым до вечера.

Тема отсутствовала. Отправитель — набор букв и цифр. Вложение называлось «08_VORONTSOV.mp4».

Он мог бы удалить его, если бы не фамилия. Сначала проверил письмо в изолированной среде, как учили на недавнем инструктаже, затем открыл копию файла на служебном компьютере без доступа к внутренней сети. На экране возникла комната с серыми стенами, столом и двумя стульями. За столом сидел человек лет тридцати. Левая скула распухла, на воротнике рубашки виднелась засохшая кровь.

Это был он сам.

Воронцов не приблизился к монитору и не вскрикнул. Он просто перестал двигаться. Таких лиц, как своё, не забывают даже спустя одиннадцать лет: длинный нос, чуть скошенная линия подбородка, ранняя седина у виска. Тогда седины ещё почти не было.

— Назовите количество погибших, — произнёс невидимый мужчина.

— Восемь человек.

— Вы действовали один?

— Да.

— Признаёте, что убили их?

Молодой Воронцов поднял голову. В глазах не было раскаяния; было изнеможение.

— Я повторяю то, что вы заставляете меня повторять.

За кадром кто-то шумно выдохнул. Послышалось тихое женское: «Хватит». Мужчина ответил: «Начнём заново», и изображение оборвалось.

Алексей прослушал фрагмент ещё раз. Потом остановил на кадре, где были видны его руки. На левом запястье тянулась красная полоса: след от тугой фиксации или свежей ссадины. Воронцов помнил её. Только, насколько он был уверен, появилась она после ночи, когда впервые попал в клинику «Тихий берег».

Уверен — плохое слово для следователя. Он записал на листе: «Дата съёмки не установлена. Ссадина. Женский голос. Комната». Ниже: «Не делать выводов по памяти».

В девять без пяти его вызвал начальник отдела.

Мельников сидел за столом с двумя фотографиями, лежавшими лицом вниз. У человека, привыкшего пить чай горячим и не терпевшего опозданий, сегодняшний чай остыл нетронутым.

— Ты помнишь «Тихий берег»? — спросил он.

Воронцов остановился у кресла.

— Частная клиника на северной дороге. Закрылась в тринадцатом.

— Сегодня утром в подвале нашли останки. Предварительно восемь комплектов. Пока даже не ясно, восемь ли это людей: всё переносили, часть костей перепутана. Позвонил лесник. Ворота кто-то вскрыл накануне.

Мельников перевернул первую фотографию. Стеллажи в подвале, серые свёртки, бирки от одного до восьми. На второй — знакомый коридор с облупленной зелёной краской.

— Журналисты получили восемь видеопризнаний, — продолжил Мельников. — Некоторых людей на этих видео по реестрам уже нет в живых. Но записи могли быть старыми. Угадай, почему я позвал тебя.

Воронцов положил перед ним лист с заметками. Начальник прочитал, побледнел и некоторое время не произносил ни слова.

— Девятая пришла мне, — сказал Алексей. — Только помечена восьмой. Кто-то хочет, чтобы мы ошиблись даже при подсчёте.

— Это ты на записи?

— Я. Не знаю, при каких обстоятельствах её сделали. Помню комнату. Не помню такого разговора дословно.

Мельников поднял телефон и попросил пригласить Чернова из цифровой экспертизы. Затем посмотрел на Воронцова с неприятной, почти отеческой прямотой:

— Ты должен сразу сказать мне всё, что связывает тебя с этой клиникой. Даже то, о чём стыдно говорить.

Воронцов вспомнил босые ступни Софьи Левиной на пороге собственной квартиры. Тринадцатый год, середина ноября. Она пришла с полотенцем, обмотанным вокруг порезанной ладони, и просила не обращаться в полицию. Он тогда сказал, что сам следователь. Она заплакала, будто услышала приговор.

— Я проверял жалобы на незаконное удержание пациентов и подделку медицинских документов, — ответил Алексей. — Проверку закрыли. Доказательств не хватило.

— Сам закрыл?

— Документы были оформлены на мне.

— Ты ответил не на тот вопрос.

— Другого ответа у меня пока нет.

Мельников молча отодвинул фотографии.

К десяти в кабинете собрались Савин, Чернов и старший следователь из соседнего отдела. На записях сидели разные люди, мужчин и женщин сменяла одинаковая серая стена. Каждый утверждал, что убил восемь человек. Способы отличались: усыпил, закрыл выход, перекрыл подачу воздуха, оставил без помощи. Формула «восемь человек» повторялась подозрительно точно.

— Это репетиции, — сказал Воронцов.

Савин повернулся к нему:

— Чего?

— Признаний. Не обязательно настоящих. Посмотрите, как они ждут окончания вопроса. Здесь не свободный рассказ, а выученные ответы. И на каждом ролике собеседник задаёт один и тот же ряд вопросов.

— Значит, сговорились? — спросил Мельников.

— Значит, их мог инструктировать один человек. Не более того.

Чернов покачал головой:

— Даты файлов ничего не доказывают. Некоторые фрагменты оцифрованы с аналогового источника; исходников пока нет. Надписи о времени могли добавить при копировании. Признания могли быть записаны до смертей людей, которых считают умершими.

Воронцов попросил остановить второй ролик. Женщина с тёмными волосами смотрела прямо в камеру. Он назвал её имя прежде, чем кто-то успел спросить:

— Софья Левина.

— Есть запись о рождении? — спросил Савин.

— Проверяли тогда. Документов под этим именем не нашли. Это ещё не означает, что её не было.

Софья на экране говорила: «Я закрыла дверь». На вопрос «Какую?» отвечала: «Нижнюю». На мгновение она смотрела вбок, будто кто-то за камерой сделал знак. И совсем тихо произносила: «Не надо».

Воронцов вспомнил её ночной визит. Но теперь не позволил себе подставить это воспоминание вместо доказательства. Он видел человека перед собой одиннадцать лет назад. Всё остальное — его пересказ самому себе.

После совещания раздался звонок журналистки Марины Беловой. Она представилась и сказала, что хочет встретиться до того, как редакция опубликует материал. Обратилась к нему по имени-отчеству, хотя он не называл себя.

— Почему именно со мной? — спросил Воронцов.

— Потому что ваше признание снято в комнате, в которой пропал мой брат.

— Откуда вы знаете, что запись снята там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.